

Современная война и задачи будущей школы.

(Вступительная лекція въ январѣ 1917 г.)

Начиная свой курсъ по педагогикѣ, я хочу предварить его вступительнымъ чтеніемъ на такую тему, разработка которой связана съ обстоятельствами переживаемаго нами трагическаго момента времени. Эти обстоятельства таковы по своему глубокому и страшному идейному содержанію, что они невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе всякаго человѣка, заинтересованнаго въ нажитыхъ вѣками нравственно-культурныхъ цѣнностяхъ человѣчества. И разумѣю кровавыя событія современной войны, всепожирающее пламя которой охватило уже добрую почти половину земного шара и все еще угрожаетъ своимъ огненнымъ языкомъ лизнуть новые народы и государства.

Война, говоря въ общемъ, сдѣлала уже свою несомнѣнно громадную, разрушительную работу: она разлила доселѣ небывалыя страданія чуть ли не по всему роду человѣческому, она полила кровью и слезами многія моря и рѣки, она усѣяла разлагающимися трупами и человѣческими костями необозримыя поля чудовищно-страшныхъ, кровавыхъ сраженій; она посадила человѣчество на огнедышащій вулканъ, изрыгающій изъ себя, вмѣсто горячей лавы, ядъ огненной ненависти и коварства, злобы и лукавства. Война навела ужасъ и жуть на людей, разбила многіе изъ тѣхъ идеаловъ, которымъ люди до сихъ поръ служили въ своей общественной и нравственной жизни; она лишила насъ дѣтей, оторвавъ ихъ отъ семьи и разстрѣлявъ ихъ ружьями, пушками и пулеметами; она юношей сдѣлала стариками, лишивъ ихъ молодого задора, энтузіазма и жизнерадостности, а стариковъ прежде времени свела въ могилу...

Поэтому, о войнѣ нельзя не говорить и на ея страшныхъ, кровавыхъ урокахъ безчеловѣчія, жестокости и злобы нельзя не учиться. Она *обязываетъ* и школу, какъ специальный органъ воспитанія и образованія подрастающихъ поколеній, присмотрѣться къ переживаемому моменту и сказать свое слово; она обязываетъ школу принять со своей стороны мѣры къ тому, чтобы совершающееся сейчасъ безпощадное убіеніе людей больше не повторилось; школа обязана сказать, что она можетъ и должна въ этомъ направленіи сдѣлать.—Рѣчь моя и будетъ о задачахъ будущей школы въ связи съ современной дѣйствительностью, созданной войной¹⁾.

1) Рѣшая вопросъ о томъ, каковы должны быть задачи будущей школы, диктуемая ей современной дѣйствительностью, созданной войной, мы будемъ имѣть въ виду только одну, какъ намъ кажется, наиболее важную сторону вопроса, сторону, такъ сказать, отрицательную, а именно: ту большую разрушительную работу, которая коснулась важныхъ измѣненій, произведенныхъ войной въ индивидуальномъ и общественно-народномъ нравственномъ сознаніи. Между тѣмъ, война, конечно, можетъ имѣть не только отрицательное, но и положительное значеніе, воспитывая, напр., и углубляя въ людяхъ чувство любви къ родинѣ и къ своему народу или чувство патриотизма въ самомъ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова; война воспитываетъ въ людяхъ храбрость, побуждаетъ ихъ на подвиги самоотверженія и вызываетъ въ нихъ сознаніе необходимости взаимопомощи; война учитъ жертвовать своею жизнью за идею и вообще пренебрегать личными интересами въ пользу общаго блага, развивая черезъ это въ людяхъ, въ противовѣсъ эгоистическимъ, альтруистическія чувства, столь необходимыя для установленія нормальнаго человѣческаго общепитія..., и т. д., и т. д. Всего этого въ своей статьѣ мы не касаемся просто лишь потому, что это выходитъ за рамки поставленныхъ нами задачъ, и останавливаемъ на этомъ вниманіе читателей, дабы предупредить упрекъ въ одностороннемъ освѣщеніи вопроса и не дать повода къ какимъ-либо недоразумѣніямъ.

Считаемъ нужнымъ сдѣлать еще одно небольшое замѣчаніе.—

Настоящая статья хоть писалась и въ текущемъ году, но еще до русской революціи 1917 года. Теперь, когда она печатается, въ жизни русскаго народа произошелъ великій сдвигъ, прорывшій для его будущей жизни—и государственной, и общественно-политической, и даже индивидуально-частной—совершенно новое русло и направившій ея въ сторону долгожданныхъ, исторически подготавливавшихся реформъ и самой рѣшительной демократизаціи. Эта перемѣна, конечно, должна отразиться и на школѣ, которой должны быть поставлены новыя, соответствующія моменту и измѣнившимся условіямъ жизни, задачи и новые идеалы. Здѣсь открывается перспектива безконечныхъ и самыхъ разнообразныхъ

Было время, когда знание считалось единственной силой, не только обогащающей людей научными свѣдѣніями и дѣлающей ихъ дѣйствительными господами жизни и природы, но и силой, ведущей человечество по пути морально-культурнаго развитія. Эта мысль о всемогуществѣ знанія, по почину Бэкона, проникла и въ педагогику, начавъ укрепляться въ ней еще со времени древне-греческихъ философовъ, особенно Сократа. Поэтому, въ исторіи школы были эпохи, когда цѣлью школьнаго образованія ставилось сообщеніе ученикамъ какъ можно больше научныхъ свѣдѣній, причемъ иногда даже игнорировалось гуманизирующее вліяніе знанія. На этой точкѣ зрѣнія исключительно стоялъ Спенсеръ, который, измѣряя науку ея утилитарными цѣлями и возлагая на школу обязанность—подготовить своихъ питомцевъ къ жизни,—полагалъ эту подготовку въ приобрѣтеніи учениками опредѣленныхъ знаній ¹⁾.

возможностей, возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ, сложныхъ и трудныхъ вопросовъ, касающихся организаціи школьной жизни на новыхъ демократическихъ началахъ, чуждыхъ демагогическихъ пріемовъ авторитарнаго абсолютизма, приспособленія ея къ новымъ потребностямъ, быть можетъ, республиканскаго времени, освобождая ея отъ тѣхъ путей, которыми она была связана въ своихъ воспитательныхъ и образовательныхъ мѣропріятіяхъ при господствѣ всего бояннаго царизма и т. д. Само собою разумѣется, что рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ въ полномъ объемѣ возможно будетъ только послѣ окончанія войны. Сейчасъ же намъ нужно поскорѣе ликвидировать плохое наслѣдіе, оставленное намъ войной, которая когда-нибудь да должна же кончиться и, должно-быть, скоро кончится, и по отношенію къ которой задачи школы всегда будутъ одиѣ и тѣ же.—Вотъ почему мы, прежде всего, свою статью и посвящаемъ именно рѣшенію школьнаго вопроса, связаннаго съ войной и войной же обусловливаемаго, оставляя рѣшеніе другихъ вопросовъ о новой, свободной школѣ въ новой, свободной, оздоровленной, демократизованной Россіи до другихъ специальныхъ изслѣдованій.

¹⁾ Спенсеръ въ развитіи своихъ мыслей дошелъ до такихъ крайнихъ выводовъ, что кѣзъ своей классификаціи учебныхъ предметовъ школы исключилъ литературу и искусство, какъ науки, не приносящія непосредственно пользы и лишь заполняющія досугъ человѣка. Зато онъ включилъ сюда: гигиену, фізіологію, математику, бухгалтерію, финансы, химию (съ приложеніемъ послѣднихъ наукъ въ техникѣ), астрономію—съ приложеніемъ ея въ мореплаваніи, геологію—съ ея приложеніемъ въ горнозаводской промышленности, біологію—съ приложеніемъ ея въ земледѣліи и скотоводствѣ, социальныя науки, политику и педагогику. („Воспитаніе умственное, нравственное и физическое“).

Когда стали защищать знаніе въ школахъ педагоги-гуманисты, особенно гуманисты съ реалистическимъ отбѣнкомъ (я имѣю въ виду Томаса Мора, Людвига Вивеса, Петра Рамуса, Франсуа Рабле, Мишель Монтеня), они начали указывать на скрытые въ знаніи моральные элементы. Они думали, что знаніе обогащаетъ и внутреннюю жизнь человѣка, культивируетъ его личность, дѣлая её болѣе сознательной, духовной, утончая ея моральную организацію. Они, а вслѣдъ за ними и другіе думали, что знаніе расширяетъ горизонты нравственныхъ сужденій человѣка и возвышаетъ его „я“ надъ грубо-животными или мелко-эгоистичными проявленіями его индивидуальности; полагали, что знаніе, получаемое въ формѣ теоретическаго образованія, дѣлаетъ человѣка человѣкомъ въ высшемъ и лучшемъ смыслѣ этого слова; *тѣшили себя надеждой, что люди, по мѣрѣ накопленія знаній и пріобрѣтенія культурныхъ удобствъ жизни, и сами будутъ становиться внутренне лучше* ¹⁾.

Въ наше время нельзя не констатировать факта: техническое знаніе и основанная на немъ машинная культура достигла колоссальныхъ, прямо удивительныхъ успѣховъ. Чего же еще нужно требовать отъ знанія, когда насъ теперь машина, благодаря ему, не только возитъ по землѣ (это уже какъ-то даже устарѣло), но и носитъ по воздуху, катаетъ по водѣ и подъ водою; машина пишетъ и считаетъ; машина поетъ и говоритъ; машина въ мгновеніе ока передаетъ намъ извѣстія и даже звуки человѣческаго голоса изъ-за тысячи верстъ, перенося ихъ черезъ горы, долины, поля, лѣса, пустыни, моря и океаны?! Не говорю уже про то, что машина насъ кормитъ, поитъ, одѣваетъ, умываетъ и увеселяетъ.

Да, знаніе несомнѣнно дѣлаетъ человѣка могущественнѣе и ставитъ его царемъ надъ природой. Но это, должно быть, и все, чего можно ожидать и требовать отъ знанія. На вопросъ же о томъ: дѣлаетъ ли знаніе людей морально

¹⁾ Даже Песталоцци, этотъ всегдашній защитникъ идеаловъ общаго воспитывающаго и гуманизирующаго обученія, и то полагалъ (въ своей „Лебединой пѣснѣ“), что пріобрѣтеніе знаній служатъ не только къ развитію и подъему мышленія, но и ведутъ къ общей конечной цѣли—воспитанія „человѣчности“, т. е., къ побѣдѣ духа надъ чувственно-животной природой, или—къ созданію высшей, духовно-нравственной личности“ (§ 35).

лучшими? приходится отвѣчать: нѣтъ, не дѣлаетъ. Оправдало ли знаніе возлагаемая на него надежды гуманистовъ относительно культивировки духовной личности человѣка? — нѣтъ, не оправдало.

Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ чудовищнаго роста техническихъ знаній нашему вѣку приходится констатировать и другой прискорбный фактъ: знаніе не спасло людей отъ ужаснѣйшаго и небывалаго въ исторіи кровопролитія. Ни безмѣрное развитіе техники, ни высокое состояніе даже гуманитарныхъ наукъ и всей цивилизаціи не предотвратило разразившуюся мировую катастрофу и не дало почвы для того, чтобы назрѣвшій международный конфликтъ былъ улаженъ мирнымъ путемъ взаимныхъ уступокъ и разъясненій или—когда уже война стала неизбежной—чтобы вооруженное столкновение протекало въ наиболѣе мягкихъ и человѣколюбивыхъ формахъ. Скорѣе наоборотъ: знаніе-то вотъ само и способствовало тому, что вооруженное столкновение народовъ, принявъ грандіозные размѣры, вылилось во всѣ невѣроятные ужасы современной войны, и разгорѣвшіяся въ этомъ столкновеніи страсти воспользовались всѣми имѣющимися въ ихъ рукахъ разрушительными средствами, чтобы нанести наичувствительнѣйшій вредъ своему врагу и причинить ему наисильнѣйшую боль, иногда съ уязвленіемъ его самолюбія и чести.—

Что же, поѣтому, мы теперь видимъ въ результатъ развитія техническихъ знаній,—въ нашу культурно-просвѣщенную эпоху XX-го столѣтія?—Видимъ, какъ во всѣхъ слояхъ воюющихъ странъ раздуваются самые грубые, низменные, алчно-корыстолюбивые инстинкты; видимъ, какъ человѣческій геній изощряется въ изобрѣтеніи все болѣе и болѣе жестокихъ и звѣрски-дикихъ приѣмовъ борьбы съ противникомъ, пытаясь этимъ навести ужасъ и на тѣхъ, кто еще не стоитъ въ рядахъ враговъ; видимъ, какъ люди постепенно теряютъ не только образъ Божій, но даже и образъ человѣческій, доходя постепенно до какого-то кроваваго одичанія и полнаго нравственнаго отупѣнія; видимъ сознательную безчестность, возведенное въ принципъ коварство и вѣроломную дружбу, скрывающую подъ своей личиной гнусное предательство; видимъ самое грубое и беззастѣнливое, какое только можетъ придумать человѣческое воображеніе и человѣческая хитрость, попаніе всѣхъ

принциповъ челоѣчности, закона и права.—Повсюду безпрерывно нарастаетъ злоба, ежеминутно рождается ненависть, и въ челоѣческія отношенія взаимнаго уваженія и довѣрія вбивается клинъ. Между борющимися пародами воздвигается великая стѣна, черезъ которую становится все меньше и меньше слышенъ крикъ челоѣческаго голоса, а мольбы о помилованіи и пощады совсѣмъ не долетаютъ до ушей сидящихъ за этой стѣной. Пробудившіеся же животныя инстинкты грозятъ съѣсть все слабое и безпомощное, попадающее на пути разгула ихъ дикой, необузданной силы.—Такова страшная, душу леденящая картина нашей жуткой дѣйствительности.

Но—это же ужасно! Это—какой-то кошмаръ, отъ котораго хочется поскорѣе опомниться и стряхнуть съ себя насѣянное имъ жуткое настроеніе!—Вѣдь это означаетъ полное крушеніе всей, рѣшительно всей современной европейской культуры, крушеніе ея безповоротное и полное во всемъ, что, казалось бы, составляло наиболѣе прочныя и драгоценныя ея пріобрѣтенія, крушеніе ея даже и у тѣхъ народовъ, которые особенно цѣнили культуру и въ служеніи культурѣ видѣли свое назначеніе и весь смыслъ своего существованія.

Какъ же, значитъ, глубоко ошибались тѣ, которые видѣли въ знаніи—силу, ведущую челоѣчество по пути прогресса и являющуюся лучшимъ средствомъ для подъема и увеличенія цѣнности и содержательности челоѣческой личности! Какъ неправы были тѣ, кто хотѣлъ видѣть въ знаніи путь къ нравственному усовершенствованію и улучшенію челоѣка и къ выявленію его настоящаго челоѣческаго достоинства!

Очевидно, правы были не античныя философы и не педагоги-гуманисты, такъ именно смотрѣвшіе на знаніе, а правъ былъ Карлейль, который говорилъ: „Цивилизація есть только оболочка, подъ которой дикая натура челоѣка можетъ горѣть вѣчнымъ адскимъ огнемъ.“ А можетъ быть правы были и нашъ Толстой, и французъ Руссо, которые пережили глубокую трагедію надъ вопросомъ о томъ, совершенствуется ли насъ знаніе? и—рѣшивъ этотъ вопросъ отрицательно, вотировали полное недовѣріе голосу познающаго разсудка, какъ вершителю судебъ челоѣчества.

Тогда—какъ же намъ быть? и—что же намъ дѣлать? Несомнѣнно, мы сейчасъ стоимъ предъ проблемой о соотношеніи знанія и добродѣтели или—о соотвѣтствіи умственной культуры и нравственнаго развитія человѣчества, серьезной проблемой, поставленной намъ войной во весь ея высокій и страшный ростъ. И несомнѣнно также—для рѣшенія этой проблемы мы должны сдѣлать радикальную переоцѣнку всѣхъ цѣнностей, которыя мы накопили благодаря работѣ мысли и напряженію воли цѣлаго ряда предшествовавшихъ и нашихъ поколѣній.

Такую критическую работу намъ необходимо сдѣлать, и сдѣлать какъ можно скорѣе потому, что содержаніе современнаго культурнаго сознанія человѣчества заключаетъ въ себѣ глубокое внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны, оно восхваляетъ безмѣрное развитіе машинной культуры и пользуется плодами послѣдней;—съ другой—изобрѣтаетъ страшной силы разрушительныя средства, которыя въ мигъ уничтожаютъ эти пріобрѣтенія культуры, скопленные вѣками и тысячелѣтіями; съ одной стороны—идетъ развитіе идей гуманности или человѣколюбія и жалости на почвѣ признанія правъ за всякой человѣческой личностью, имѣющей самодовлѣющую, абсолютную цѣнность;—съ другой—мы видимъ (на войнѣ) полное обезцѣненіе человѣческой жизни и такое же полное пренебреженіе къ правамъ человѣческой личности; съ одной стороны—идетъ непрерывный ростъ разнаго рода союзовъ и ассоціацій въ международныхъ отношеніяхъ, всякихъ общественныхъ и частныхъ организацій въ предѣлахъ государственной и гражданской жизни, предполагающихъ взаимное довѣріе и уваженіе;—съ другой—мы видимъ разорванные международные договоры, исключаютъ самую возможность такого довѣрія и даже, повидимому, потребность въ немъ.

Видимое дѣло, современная Европа въ своемъ нравственномъ и правовомъ сознаніи переживаетъ какой-то болѣзненный, глубокій кризисъ и настойчиво выдвигаетъ вопросъ о пересмотрѣ тѣхъ понятій, которыя доселѣ служили точкой отправленія для тѣхъ или другихъ этическихъ оцѣнокъ и для созданія разнаго рода философскихъ и политико-экономическихъ системъ. Въдѣ чѣмъ бы ни кончилась современная война въ нашей внутренней жизни, каковы

бы ни были ея внѣшнія и внутреннія послѣдствія для насъ и для нашихъ союзниковъ и враговъ, одно несомнѣнно: мы уже не будемъ смотрѣть на жизнь, на мѣръ, на человѣческую исторію и на наше будущее тѣми глазами, какими смотрѣли раньше, какими смотримъ теперь на наше настоящее и какими мы оглядывали наше прошлое. Да и можетъ развѣ сохраниться прежнее нравственное самочувствіе человека послѣ всѣхъ пережитыхъ имъ ужасовъ, послѣ всѣхъ тѣхъ нравственныхъ униженій, послѣ всѣхъ тѣхъ случаевъ цинично-грязнаго попранія его человѣческихъ правъ, которыми такъ обильно украшены страницы геройскихъ дѣяній воюющихъ народовъ?! Развѣ можетъ остаться прежнимъ бельгіецъ, или сербъ, или черногорецъ, или румынъ, когда ихъ страны лежатъ въ огнѣ, въ пожарницѣ и пеплѣ, въ развалинахъ и рабствѣ?! Развѣ могутъ эти изуродованные, угнетенные и униженные народы, невыносимо страдающіе только потому, что они маленькіе и честные народцы,— развѣ могутъ они по-прежнему протянуть руку „германскому товарищу-демократу“ или пожать протянутую имъ предательскую руку, когда эта рука вся обрызгана кровью невинныхъ жертвъ немилосердно-жестокихъ, безпощадныхъ палачей, замучившихъ ихъ палочными ударами, пытками, тюрьмами и рабскою работою, казнившихъ даже женщинъ разстрѣлами и висѣлицей?! Развѣ можемъ остаться *мы* прежними людьми, мы, новые люди, съ ободранными нѣмцами кожей, съ оторванными ушами, съ вырванными языками, съ проколотыми ноздрями, съ опаленными глазами и волосами?! Можемъ ли *мы* остаться прежними, мы, съ потопленными невинными дѣтьми, съ изнасилованными женами, съ изувѣченными безчеловѣчно и безцѣльно нашими братьями, родственниками и знакомыми?!

Конечно же нѣтъ! и конечно же—да, мы должны будемъ послѣ войны произвести переоцѣнку цѣнностей. Нетрудно предвидѣть, въ какую сторону направится эта переоцѣнка: въ виду случившагося краха нынѣшней культуры, основанной на господствѣ технического знанія, мы уже не можемъ такъ пассивно, какъ прежде, довѣряться авторитету послѣдняго, такъ какъ не можемъ ставить себя подъ рискъ сдѣлаться опять жертвою всепожирающаго бога войны, которая, конечно, при непрерывномъ и безграничномъ ростѣ

техники разрушенія будетъ еще ужаснѣе настоящей. Если доселѣ въ основѣ нашего научно-философскаго міросозерцанія лежали натуралистическіе принципы, то послѣ войны мы поневолѣ должны будемъ ввести вмѣсто нихъ идеалистическія предпосылки и развить духовное пониманіе міра и жизни. Мы должны будемъ создать себѣ новые возвышенные идеалы и на почвѣ этихъ идеаловъ насадить новыя культурныя цѣнности, можетъ быть, даже заново строить всю культуру.

Въ этой живой культурно-созидательной работѣ будущаго огромную и незамѣнимую роль должна сыграть школа, какъ такая организація, въ которой подѣ опредѣленнымъ, безпрестаннымъ руководствомъ получаютъ образованіе и воспитаніе новыя подрастающія поколѣнія. А вѣдь новая культура не можетъ окрѣпнуть, если она не будетъ выращена и выношена на плечахъ этого молодого поколѣнія, дающаго намъ гражданъ будущаго.

Какой же теперь мы должны здѣлать выводъ изъ сказаннаго по отношенію къ задачамъ школы? Выводъ можетъ быть только одинъ, напрашивающійся самъ собою: если школа хочетъ сослужить хорошую и дѣйствительную службу человѣчеству,—она должна заботиться не о размноженіи знаній у учениковъ во что бы то ни стало, а, говоря языкомъ гуманистовъ, о насажденіи добродѣтели. Это не то значить, что она должна знаніе исключить вовсе или его игнорировать, а только то, что въ ней воспитательныя задачи должны быть поставлены на первомъ планѣ. Если же опять центръ тяжести будетъ перенесенъ на знаніе и технику, то все обезцѣнится, и въ первый же благоприятный моментъ всѣ практическіе результаты знанія будутъ разстрѣляны крупновескими пушками.

Такимъ образомъ, не умаляя значенія великихъ завоеваній въ области всякаго рода естественныхъ и прикладныхъ знаній, не отрицая важности машинной культуры, школа должна только заботиться о томъ, чтобы образованіе не приняло односторонне-узкаго интеллектуалистическаго характера, не обезличивающаго ни нравственно-духовной культуры, ни здороваго жизненнаго направленія; т. е. нужно, чтобы культура ума и тѣла и созданіе внѣшнихъ удобствъ жизни не развивались въ ущербъ культурѣ духа.

чтобы насаждалась не просто культура, а культура истинно-человѣческая, культура не просто человѣческой индивидуальности, а культура высоко развитой, религіозно-нравственной личности.

Такова первая общая воспитательная задача будущей школы. Эта задача должна быть взята въ очень широкомъ масштабѣ, и для раскрытія всѣхъ заключающихся здѣсь перспективъ мы должны рѣшить нѣсколько частныхъ вопросовъ. Эти вопросы слѣдующіе: 1) что такое воспитаніе, и какъ оно можетъ и должно быть организовано въ школѣ? 2) что такое истинно-человѣческая культура? и 3) въ какомъ отношеніи стоитъ воспитаніе къ культурѣ, или какъ можетъ школьное воспитаніе содѣйствовать насажденію истинно-человѣческой культуры?

Прежде, чѣмъ отвѣчать на эти вопросы, я долженъ вамъ сдѣлать нѣсколько общихъ разъясненій принципиальнаго характера.

Мы уже видѣли, что умственная культура часто можетъ расходиться съ нравственностью: что можетъ получиться сильный контрастъ между блестящимъ умственнымъ развитіемъ и полной невыработанностью моральныхъ принциповъ и неустойчивостью характера. Возможность такого расхожденія и контраста предвидѣлъ еще Песталоцци, который, какъ-будто пророчествуя о нашемъ просвѣщенно-безнравственномъ вѣкѣ, сказалъ однажды: „Возможно, что извѣстная эпоха сильно подвинулась впередъ въ познаніи истины, и все таки въ желаніи добра сильно осталась позади“.

Видимое дѣло, чтобы устранить такое расхожденіе и сдѣлать его невозможнымъ на будущее время, нужно въ пониманіе культуры вложить этическое содержаніе и безъ него никакой успѣхъ на пути развитія техническихъ знаній не считать признакомъ дѣйствительнаго прогресса. Это значитъ,—содержаніе культуры надо получать не изъ однихъ только наукъ и искусствъ, создающихъ удобства и красоту жизни, но также—изъ морали и религіи, опредѣляющихъ смыслъ жизни міра и указывающихъ свыше назначеніе человѣка.

Образуя собою истинное содержаніе человѣческой культуры, наука, искусство, мораль и религія даютъ въ области культуры специфическій признакъ человѣческаго развитія:

вообще развиваются и животныя, но культурно развивается только человекъ. И если воспитатель будетъ брать стимулы для своего вoadдѣйствія на развивающагося ребенка изъ всѣхъ указанныхъ мною четырехъ областей, какъ изъ элементовъ истинной культуры, онъ будетъ служить высокимъ цѣлямъ истинно человѣческаго развитія: воспитаніе посредствомъ *этихъ* культурныхъ цѣнностей очеловѣчиваетъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова; такое воспитаніе и должно быть организовано въ будущей школѣ.

Все сказанное будетъ для васъ яснѣе, когда я вамъ разъясню сейчасъ сущность воспитанія (первый изъ трехъ поставленныхъ мною выше вопросовъ) и опредѣлю его отношеніе къ задачамъ культурнаго развитія человѣческой личности.

Гюйо, между прочимъ, опредѣляетъ воспитаніе, какъ „систему координированныхъ и строго обдуманыхъ внушеній“. Въ этомъ опредѣленіи, конечно не всеисчерпывающемъ, заключена глубокая психологическая правда, потому что дѣти обнаруживаютъ удивительную поддаваемость внушенію, которому они подчиняются совершенно произвольно, усваивая себѣ все окружающее и подражая ему, на почвѣ того же внушенія. Эта мысль Гюйо оказалась очень плодотворной для современной педагогики и подготовила психологическую почву для теперешняго пониманія воспитанія, какъ преднамѣренно организованнаго, систематическаго и длительного вoadдѣйствія взрослыхъ на развивающихся подъ ихъ руководствомъ дѣтей ¹⁾.

Какъ бы мы ни понимали воспитаніе, школа, во всякомъ случаѣ, для обезпеченія себѣ успѣха въ выполненіи всѣхъ своихъ заданій, во всемъ укладѣ своей жизни должна быть проникнута моральными стремленіями, требующими, по самому своему существу, религіознаго обоснованія и укрѣпленія ²⁾.

¹⁾ См. напр. Блонскій. Курсъ педагогики. М. 1916.

²⁾ Я ввожу религіозный элементъ потому, что считаю его единственнымъ сдерживающимъ стимуломъ въ урегулированіи соціально-нравственныхъ человѣческихъ отношеній. Не буду сейчасъ подробно останавливаться на этой мысли, но чтобы не быть голословнымъ, сошлюсь на любимую тему одного изъ героев Достоевскаго, Ивана Карамазова: „Безъ Бога все позволено“. Послушайте, что передаетъ Міусовъ объ

Понимая воспитаніе, какъ именно воздѣйствіе взрослыхъ на развивающагося ребенка и создавая различныя формы для этого воздѣйствія въ видѣ цѣлаго ряда строго обдуман-ныхъ педагогическихъ мѣропріятій, школа, прежде всего, должна озаботиться организаціей соотвѣтствующей среды для своихъ учениковъ, такъ какъ, собственно, и все поведе-ніе ребенка слагается изъ его послѣдовательныхъ реакцій на возбужденія среды, и черезъ приспособленіе къ этой же средѣ ребенокъ упражняетъ и развиваетъ избранныя воспитателемъ для культивировки свои природныя качества.— Затѣмъ, свои воздѣйствія на ребенка школа должна органи-зовать такъ, чтобы они помогали полному развитію личности-питомца съ непремѣннымъ учетомъ ея индивидуальных особенностей. — Вотъ въ послѣднемъ-то пунктѣ и выступаетъ на сцену необходимый въ школьномъ воспитаніи его мораль-ный или даже религіозный элементъ.

Дѣло въ томъ, что полное развитіе личности ребенка нельзя понимать въ смыслѣ развитія всѣхъ его врожден-ныхъ свойствъ, потому что среди послѣднихъ могутъ оказа-ться и такія, которыя не подойдутъ къ требованіямъ истин-ной культурности. Значитъ, изъ предѣловъ воспитывающаго или культивирующаго вліянія школы нужно исключить тѣ тенденціи въ природномъ настроеніи ученика, которыя въ интересахъ настоящей культуры должны обуздываться и сдерживаться въ извѣстныхъ рамкахъ. Иными словами: при практическомъ осуществленіи принципа индивидуализаціи въ воспитаніи не надо смѣшивать ростъ простой, естествен-ной индивидуальности и развитіе духовной личности ¹⁾.

Иванъ Карамазовъ, который однажды свои философскія мысли заклю-чилъ слѣдующимъ разсужденіемъ: „Для каждаго частнаго лица, не вѣ-рующаго ни въ Бога, ни въ безсмертіе свое, нравственный законъ при-роды долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность прежнему, религіозному, и эгоизмъ даже до злодѣйства не только дол-женъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ, са-мымъ разумнымъ и чуть ли не благороднѣйшимъ пеходомъ въ его по-ложеніи“... А въ другомъ мѣстѣ онъ же прямо говоритъ такъ: „Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ, тамъ ужь мѣсто Божіе! Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто!... „все позволено“ и шабашъ“!...

¹⁾ Это смѣшеніе особенно замѣтно у извѣстной нѣмецкой писатель-ницы Элленъ Кей въ соч. „Вѣкъ ребенка“ и въ книгѣ Гурлитта „О вос-питаніи и личности“.

Но—гдѣ же грань между естественной индивидуальностью и духовной личностью? Какъ установить ее? Какимъ критеріемъ руководиться при выборѣ того, что можно культивировать изъ природныхъ свойствъ ученика и—что нельзя? Какой идеалъ долженъ здѣсь намъ служить путеводнымъ свѣточемъ? Вопросъ этотъ для педагогики, особенно, если мы будемъ трактовать ее, какъ нормативную науку, очень трудный, потому что содержаніе нормъ и конкретныхъ человѣческихъ идеаловъ довольно подвижно и измѣнчиво и опредѣляется историческими условіями, почему и бываетъ однимъ въ одну эпоху и другимъ—въ другую. Для воспитателя же требуется установить такой идеалъ, который бы стоялъ внѣ измѣняющихся условій времени и жизни человѣческой. А такой идеалъ есть единственный идеалъ, начертанный намъ въ христіанской этикѣ,—идеалъ нравственнаго совершенства, идеалъ подчиненія чувству долга и развитія чуткой совѣсти.

Руководясь этимъ идеаломъ воспитатель и долженъ ставить себѣ цѣлью—выработать изъ ребенка культурно-цѣльную, нравственно-совершенную (въ предѣлахъ, конечно, возможнаго для людей моральнаго достиженія) личность. Во имя этого нравственнаго идеала школа должна стараться освободить своихъ питомцевъ отъ подчиненія низшимъ, животнымъ инстинктамъ человѣческой природы и доставить душѣ господство надъ чувствами и страстями; она должна укрѣпить ихъ волю въ неизмѣнномъ направленіи къ добру и подготовить повиновеніе высшему нравственному закону во всякій моментъ, когда того потребуютъ долгъ и совѣсть; во имя этого же нравственнаго идеала питомцы школы должны избѣгать всякой несправедливости и притѣсненія слабыхъ и даже должны быть способны на самопожертвованіе. Самое приспособленіе къ средѣ, входящее, какъ составной элементъ, въ содержаніе воспитанія, должно регулироваться тѣмъ же идеаломъ и должно допускать здѣсь энергичныя исключенія, когда обстоятельства потребуютъ не приспособленія къ современному обществу, а скорѣе—способности противоѣствовать средѣ и всячески бороться съ ней, бороться несмотря ни на какія угрозы и опасности.—Словомъ, школа, сообщая своимъ питомцамъ обширныя познанія, при помощи ихъ же и пользуясь всѣми своими вос-

питательными средствами, должна выработать въ ученикахъ такой закаленный нравственный характеръ, который сообщалъ бы устойчивость и неизмѣнную опредѣленность всему поведенію человѣка, подчинялъ бы высшимъ нравственнымъ принципамъ всю личную, общественную и государственную дѣятельность индивида, гарантировалъ бы его отъ увлеченія эффектными или выгодными переживаніями минуты и не отдавалъ бы во власть капризовъ и случайныхъ настроеній.

На почвѣ такого именно доминирующаго господства нравственныхъ идеаловъ въ жизни и дѣятельности человѣка и вырастаетъ истинная культура, развивающаяся на почвѣ и техническихъ знаній, но морализованная требованіями этики и религіи; ее-то именно и должна насадить въ своихъ питомцахъ будущая школа ¹⁾.

Такимъ образомъ, интересы научнаго знанія и его технического приложенія къ удобствамъ жизни здѣсь вовсе не игнорируются; отбѣняется только мысль, что всѣ грандіозныя завоеванія, сдѣланныя машиной, тогда лишь послужатъ на пользу человѣчеству, когда они, въ случаѣ злоупотребленія ими, пайдуть себѣ сильный противовѣсъ въ культурѣ сердца и совѣсти. Безъ этого необходимаго нравственнаго условія всего дальнѣйшаго развитія технической культуры все наше господство надъ силами природы можетъ оказаться фикціей и явится лишь средствомъ для изобрѣтенія наиболѣе жестокихъ и дикихъ способовъ уничтоженія людей и плодовъ той же самой культуры ²⁾.

Что же касается самаго процесса усвоенія культуры подрастающими поколѣніями, то этотъ процессъ осущест-

¹⁾ Говоря о насажденіи въ подрастающихъ поколѣвіяхъ истинной человѣческой культуры и о той роли, которую здѣсь можетъ и должна сыграть школа, я намѣчаю только основныя принципы и то иногда слишкомъ общими штрихами, но не затрагиваю пока вопроса о конкретныхъ формахъ осуществленія высшихъ нравственныхъ идеаловъ. Этотъ вопросъ очень сложный и требуетъ своего спеціальнаго и широкаго обсужденія, выдавая новыя точки зрѣнія и раскрывая болѣе широкія перспективы, напр., по отношенію къ религіозному или эстетическому образованію...

²⁾ Мы готовы даже принять и нѣмецкую культуру, но только—не въ томъ ея направленіи, которое ведетъ къ Крунну и Гинденбургу, а въ томъ, которое устремляетъ мысль и волю къ Канту, Гёте и Шиллеру.

вляется именно через воспитание и подчиняется общим законамъ, управляющимъ всѣмъ ходомъ историческаго развитія человѣчества. Молодые поколѣнія должны воспользоваться полученнымъ отъ насъ культурнымъ наслѣдствомъ, какъ исходной точкой для своего дальнѣйшаго морально-культурнаго развитія и потомъ передать его вмѣстѣ со всѣмъ накопленнымъ культурнымъ богатствомъ своимъ потомкамъ. Само собою разумѣется, все полученное и нажитое культурное богатство молодое поколѣніе должно расходовать на служеніе родинѣ и на торжество высшихъ обще-человѣческихъ идеаловъ, участвуя активно въ повышеніи общечеловѣческой культуры и не переставая само совершенствоваться, идти все впередъ и впередъ.—

Это и есть именно то, что мы называемъ непрерывностью прогресса, поступательнымъ развитіемъ культуры. Прогрессъ этотъ, какъ я сказалъ, совершается только тогда, когда молодые поколѣнія воспитываются—по той простой причинѣ, что культура не столько получается по наслѣдству, сколько пріобрѣтается путемъ собственныхъ усилій и съ помощью воспитателей.

Чтобы показать вамъ, что развитіе культуры происходитъ именно такимъ путемъ, я приведу вамъ два яркихъ примѣра изъ „Иліады“ и „Одиссеи“, быть можетъ уже извѣстныхъ тѣмъ изъ васъ, которые читали эти шедевры античной поэзіи ¹⁾).

Возьмемъ хотя бы интересный и трагическій для древнихъ грековъ вопросъ объ отношеніи къ умершимъ и, въ частности, къ трупамъ поверженнаго врага ²⁾.—Въ „Иліадѣ“ описывается смерть Патрокла, который былъ убитъ Гекторомъ. Послѣ его смерти трояне надругались надъ его трупомъ. Рассказывая объ издѣвательствахъ троянъ, поэтъ ведетъ рассказъ въ духѣ своего обычнаго гомеровскаго спокойствія и весь становится своими симпатіями на сторону троянъ, не

¹⁾ Я останавливаюсь на исторіи Греціи, и не беру примѣровъ изъ болѣе близкой къ намъ дѣйствительности потому, что тотъ историческій процессъ уже закончился, успѣлъ отстояться и на немъ, поэтому, виднѣе будетъ разъясняемая мною мысль.

²⁾ На этомъ вопросѣ вообще часто спотыкалось общественное сознаніе грековъ и давало ихъ поэтамъ постоянные сюжеты. Вспомните интересное и глубоко-психологическое толкованіе этого вопроса въ трагедіи Софокла „Антигона“.

усматривая въ поруганіи трупа врага ничего необыкновеннаго, оскорбительнаго для человѣческаго чувства и достоинства; конечно, если бы поэтъ былъ на мѣстѣ троянъ, онъ поступилъ бы точно такимъ же образомъ.

Теперь посмотрите, какъ этотъ же вопросъ рѣшался во времена греко-персидскихъ войнъ. Дѣло кончается побѣдой грековъ. Въ упоеніи побѣдой одинъ спартанскій воинъ обращается къ царю Павзанію съ предложеніемъ: „Отрубимъ голову Мардонію!“—побѣжденному персидскому военачальнику.—Павзаній возражаетъ: „Что ты! Такъ прилично поступать только варварамъ“. Павзаній возмущенъ предложеніемъ спартанца, и если онъ возьметъ на себя роль воспитателя и послѣ войны съ негодованіемъ расскажетъ объ этомъ предложеніи спартанскимъ юношамъ, то юноши усвоятъ себѣ взглядъ Павзанія и поймутъ, что надругательство надъ трупомъ врага есть нѣчто варварское, недостойное благороднаго гражданина; а если, при этомъ, они вспомнятъ рассказъ старика Гомера о смерти Патрокла, то они *оцѣнятъ этотъ рассказъ съ новой точки зрѣнія* и быть можетъ воскликнутъ: „О, да какими же варварами были наши предки!“

А вотъ вамъ другой примѣръ.—Въ „Одиссеѣ“ рассказывается, какъ царь Менелай справлялъ разомъ четыре веселыхъ свадьбы. Въ самомъ разгарѣ торжества къ дому Менелая подъѣзжаютъ на колесницѣ два грека—путешественника и просятъ пріюта. Приближенный слуга царя убѣждаетъ отказать путникамъ въ ихъ просьбѣ: „До нихъ ли намъ теперь?“ говоритъ онъ. Но Менелай отвѣчаетъ: „Или ты забылъ, какъ мы сами съ тобой были странниками и какъ насъ принимали?“ И приказываетъ немедленно привести пришедшихъ въ свой домъ.

Такія мысли и чувства представляли въ то время *новизну, нравственное приобрѣтеніе*. Для насъ теперь можетъ показаться страннымъ противоположное; мы не понимаемъ, какъ можно поступить въ томъ или другомъ случаѣ иначе, чѣмъ-какъ поступаемъ мы. Но когда Менелай распоряжается приять и угостить странниковъ, пришедшихъ къ нему во время свадебныхъ хлопотъ, онъ высказываетъ нѣчто новое для своихъ слугъ. Въ лицѣ его и этого слуги *сталкиваются двѣ культуры* или, лучше, верхъ и низъ одной и той же культуры.

Такъ передаются черезъ рядъ вѣковъ и тысячелѣтій, отъ поколѣнія къ поколѣнію одни опредѣленные взгляды, развивается сознание того, что должно дѣлать и чего нельзя, и въ концѣ концовъ это сознание становится настолько прочнымъ и общимъ, что намъ, напр., и въ голову не приходитъ поступить въ какомъ-нибудь случаѣ такъ, какъ поступали когда-то наши предки.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какъ совершается постепенное нарастаніе культурныхъ пріобрѣтеній въ предѣлахъ одного народа въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени. Это нарастаніе совершается отчасти и стихійнымъ процессомъ, въ которомъ много случайнаго, безсознательнаго. Для выдѣленія случайнаго элемента въ помощь стихійному процессу и выступаетъ воспитаніе: отличіе педагогическаго воздѣйствія, какъ уже вполнѣ сознательнаго передатчика культуры, равно какъ и самая роль его, заключаются въ томъ, что оно въ предѣлахъ одной личности случайное и короткое вліяніе обращаетъ въ преднамѣренное и длительное, безсознательное—въ планомѣрное и систематическое; а по отношенію къ развитію личности ребенка воспитаніе, какъ мы знаемъ, культивируетъ не всѣ его природные задатки, а только тѣ, которые соотвѣтствуютъ поставленнымъ высшимъ цѣлямъ воспитанія и приближаютъ индивида къ намѣченному образцу.

Я, быть можетъ, остановился слишкомъ долго на мысли о томъ, какъ школа можетъ и должна при помощи воспитанія и образованія насаждать истинно человѣческую культуру въ молодыхъ поколѣніяхъ. Но я считаю этотъ пунктъ кардинальнымъ вопросомъ въ будущей школьной организаціи и полагаю, что еслибы до войны на него было обращено должное вниманіе, то, можетъ быть, не было бы и самой войны или — не было бы тѣхъ безобразій, которыя у насъ, да и вездѣ, происходятъ вдали отъ войны, въ тылу; не было бы той свитопляски, того пира во время чумы, который устроили беззастѣнчивые мародеры тыла, грабящіе страну и живущіе милліонныя состоянія на разореніи своего обнищавшаго народа.

П. Нечаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
